

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>В. В. Дементьев
Саратов, РоссияVadim V. Demytyev
Saratov, Russia

Что дало жанроведение современной лингвистике?

В статье подводятся предварительные итоги взаимодействия жанроведения и лингвистики приблизительно трех последних десятилетий. Значимость жанроведения для лингвистики обуславливается тем, что речевые жанры имеют исключительную значимость для языка – объекта лингвистики: не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры, ни функционирования, ни истории языка.

Подробнее рассматривается ряд направлений современной лингвистики, для которых влияние жанроведения является особенно значимым:

- 1) традиционная (системно-структурная) лингвистика: введение в исследовательский аппарат понятия РЖ и принципов речежанрового анализа является продолжением прагматизации лингвистических исследований;
- 2) когнитивная лингвистика: на основе теории и методики жанроведения изучаются коммуникативные концепты – структуры высшего порядка, включающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы в цепочки речежанровой системности «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр»;
- 3) представление речевой картины современности: показывается, что при решении данной задачи жанроведение дало лингвистике, во-первых, важнейший объект изучения: речевые жанры в формировании речежанровой картины той или иной страны/эпохи и наиболее критические, в этом смысле, моменты и тенденции; во-вторых – разработанную в жанроведении методику описания данной речежанровой картины;
- 4) типологическое осмысление лингвокультур (типология лингвокультур на различных жанровых основаниях; наполненность жанрами различных участков и сфер коммуникации внутри данных культур);
- 5) изучение языковых заимствований в связи с заимствованиями речежанровыми;
- 6) изучение интернет-коммуникации и ее жанров;
- 7) изучение игровой коммуникации и ее жанров;

What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?

The article summarizes the preliminary results of the interaction of genre studies and linguistics of the last three decades. The significance of genre studies for linguistics is determined by the fact that the speech genres themselves are of exceptional importance for the language – the object of linguistics: not equal to the language completely, speech genres are a phenomenon without which it is impossible to truly comprehend the structure, functioning, and history of the language.

The article focuses on a number of areas of modern linguistics, for which the influence of genre studies is especially significant:

- 1) traditional (system-structural) linguistics: the implementation into the research apparatus of the concept of speech genre and the principles of speech-genre analysis continues the pragmatization of linguistic research;
- 2) cognitive linguistics: the theory and methods of genre studies provide the basis for the research of communicative concepts– higher-order structures that include, together with speech genres, other communicative units in the chains of speech-genre systemacy “action/act ~ process/manner ~ role/type ~ tonality ~ genre”;
- 3) presentation of the speech picture of modernity: it is shown that when solving this problem, genre studies gave linguistics, firstly, the most important object of study: speech genres in the formation of the speech-genre picture of a country/era, and the most critical, in this sense, moments and trends; secondly, a methodology developed in genre studies for describing a given speech-genre picture;
- 4) typological understanding of linguistic cultures (typology of linguistic cultures on various genre fundamental principles; genre fullness of various sections and areas of communication within these cultures);
- 5) the study of language borrowings in connection with speech genre borrowings;
- 6) the study of Internet communication and its genres;
- 7) the study of game communication and its genres;
- 8) corpus linguistics and corpus genistics as its part (the problem of key phrases of speech genres);
- 9) genre studies and scientometrics: the digitalization of modern science is understood as a process that has a speech genre content, based on the speech genre

8) корпусная лингвистика и корпусная генристика как ее часть (проблема ключевых фраз речевых жанров);

9) жанроведение и наукометрия: цифровизация современной науки понимается как процесс, имеющий речежанровое содержание, опирающийся на речежанровые механизмы порождения и трансформации текста, осмысление которых может быть полезно и для того, чтобы лучше понять природу, задачи и инструментарий наукометрии на данном этапе, и для того, чтобы лучше понять речежанровую структуру научной речи.

Ключевые слова: лингвистика, жанроведение, речевые жанры, актуальные проблемы современной речи.

mechanisms of generating and transforming the text, the interpretation of which can be useful both in order to better understand the nature, tasks and tools of scientometry at this stage, and in order to better understand the genre structure of academic discourse.

Keywords: linguistics, genre studies, speech genres, actual problems of modern speech.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Введение

Настоящая статья не является подведением итогов теории речевых жанров – их подводить еще рано, даже предварительные: теория речевых жанров (ТРЖ) существует в виде более-менее сложившегося и разработанного научного направления едва ли три десятка лет и особенно активно развивается (вероятно, и меняется) именно в настоящее время. Это также не обзор работ по ТРЖ, даже наиболее значительных: за названный короткий период развитие ТРЖ уже ознаменовалось целым рядом достижений, причем принципиально разных, охватить которые в одной короткой статье невозможно. Активно занимаясь РЖ в течение многих лет, мы, что вполне естественно, прежде всего предлагаем свой взгляд и свои результаты исследований. Наконец, было бы неверно видеть нашу задачу только в представлении «статичной» картины лингвистики и ее разделов, с которыми где-то и как-то (тоже «статично») пересекается ТРЖ: ТРЖ именно динамична, она очень значительно менялась, в ее развитии можно выделить несколько этапов – и соответствующие знаковые работы, отражающие или даже формирующие данные этапы; а кроме того, развитие ТРЖ не было индифферентно по отношению к развитию лингвистики, периодам и особенно влиятельным направлениям (прагматизация лингвистики с активным

развитием теории речевых актов, лингвоконцептология, изучение языковых картин мира (ЯКМ)) и во многом диктовалось именно особенностями и запросами лингвистики. В целом вполне правомерен взгляд и на появление, и на развитие ТРЖ как на ответ на запросы и конкретные проблемные вопросы именно лингвистики: ТРЖ тогда встает в один ряд с такими разделами лингвистики, решающими соответствующие актуальные тогда задачи, как теория речевых актов, коллоквиалистика, дискурс-анализ, лингвоперсонология.

Значимость жанроведения для лингвистики обуславливается тем, что сами речевые жанры имеют исключительную значимость для языка – объекта лингвистики. Как писал М. М. Бахтин, РЖ «даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1: 181]. РЖ, не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры языка (особенно это касается единиц языка высоких уровней и переходных явлений между языком и речью, речевой и языковой системностью), ни функционирования языка (оно практически полностью регулируется речевыми жанрами и именно от них получает все главные закономерности: типичные коммуникативные интенции, типичные ситуации, типичные языковые личности, владеющие наборами соответствующих РЖ), ни истории языка, включая прогностику («ни одно новое

явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Там же: 165]).

Не менее важно то, что для решения своих проблем ТРЖ имеет собственную разработанную (более или менее оригинальную, непротиворечивую и эффективную) теорию и методологию (см. ее обсуждение в монографиях [2–10], обзорах [11–20], а также выпусках журнала «Жанры речи»), на которые, конечно, полезно опираться лингвистике при решении проблем, общих для лингвистики и ТРЖ.

Названные разнообразие и важные связи и одновременно дискуссионность онтологических характеристик РЖ отражаются уже в разнообразии определений этого феномена, сформулированных как М. М. Бахтиным: «типическая форма высказываний», – так и его последователями – преимущественно лингвистами: «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (К. Ф. Седов), «кодифицированная форма действия» (А. Вежбицкая), «основа речевой системности» (В. В. Дементьев, В. А. Салимовский), «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Ст. Гайда).

Таким образом, жанроведение дало лингвистике, во-первых, единицу членения и организации речи, во многих отношениях важную и даже базовую, – *жанр речи*. Единица эта не только не может быть сведена к набору традиционных лингвистических единиц, таких как словосочетание и предложение (как и к менее традиционным единицам, которыми оперирует современная лингвистика: текст, период, речевой акт и т. п.), но и в некоторых случаях позволяет существенно уточнять их. Важно, что набор жанроподобных речевых единиц, выделяемых и исследуемых в современной лингвистике, является открытым и активно пополняется (внутрижанровая стратегия, субжанр, гипержанр, жанроид); при работе с записями живой речи и корпусами релевантными оказываются такие единицы, как ключевые фразы РЖ и жанрово-ролевые сценки.

Во-вторых, жанроведение дало лингвистике содержательную (интерпретационную) категорию.

В-третьих, дало методику анализа, которая также позволяет уточнять некоторые традиционные методики анализа лингвистических единиц (в корпусной лингвистике – методику ключевых фраз).

Все эти пункты будут рассмотрены в настоящей статье.

1.1. Жанроведение и традиционная (системно-структурная) лингвистика

Введение в исследовательский аппарат понятия РЖ и принципов речезанрового анализа стало продолжением прагматизации лингвистических исследований, которая широко распространилась уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и активно обсуждалась [21, 22]. Прежде всего, это проявилось в изучении традиционных лингвистических (лексических, грамматических) единиц в связи с их ролью в образовании единиц иллокутивных: например, на фонетическом уровне – роль интонационных структур в образовании иллокутивных актов разных типов и связей между ними в речи.

Сейчас эта тенденция продолжается: изучаются лексемы, прежде всего существительные и глаголы (в том числе перформативные), именующие или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба – просить / попросить, вопрос – спрашивать / спросить, ссора – ссориться / поссориться, флирт – флиртовать*), или смежные единицы из околожанрового пространства речи. Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков **названия** различных жанрово релевантных компонентов речи – соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации (см. исследования Л. В. Балашовой [23, 24 и др.]). Много такой информации содержат специализированные словари [25–28]).

Изучаются **пропозициональные** особенности лексических, фразеологических, синтаксических единиц, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, – иными словами, на первый план выходит изучение **предложений**, используемых в том или ином жанре речи (см., например, работы таких лингвистов, пришедших к жанроведению от синтаксиса, как А. Мустайоки, Т. В. Шмелева, М. Я. Дымарский, Е. Ю. Викторова); на фонетическом уровне – роль интонационных структур в РЖ [29]. При этом данная тенденция могла проявляться как в достаточно конкретном, даже узком виде (например, метафора в жанре жития древнерусской литературы [30]), так и в более широком, например, футуральность в различных жанрах (для художественных текстов в жанрах научной фантастики и фэнтези роль футуральности больше, чем в традиционных художественных жанрах) [31]).

(Показательно, что в диссертационных со-
ветах замечания, что в диссертациях, даже
на вполне традиционные лингвистические те-
мы, не учитывается прагматический компонент
или речезанровый, часто подаются как недо-
статки.)

Идея, что речевой жанр представляет собой
структурный феномен: с одной стороны, членился
на единицы низшего уровня / уровней, с другой –
сам встраивается, вместе со смежными единицами,
в структуры высшего порядка (иерархии или по-
ля), – породила целое направление лингвистического
жанроведения: подобные иерархии, иногда весьма
разветвленные и сложные, строят А. Г. Баранов [32],
М. Ю. Федосюк [33], Ст. Гайда [34], К. Ф. Седов [7],
М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [35], Е. В. Бу-
зальская [36], В. А. Салимовский и Д. В. Яруллин
[16], И. С. Шевченко [18], – как и идея, что
и РЖ, и речевые феномены более низкого / высоко-
го уровня отражены в языковом / коммуникативно-
речевом сознании, имеют свои ментальные проек-
ции – концепты и их компоненты, – участвующие
в формировании не только коммуникативно-речевой
компетенции, но и ЯКМ в целом.

1.2. Лингвокогнитивный подход исходит из то-
го, что (1) структуры высшего порядка, упо-
рядочивающие вместе с жанрами речи другие
коммуникативные единицы, суть *коммуникативные
концепты* (далее – $K_{om}K$): данные структуры и упо-
рядочение существуют в сознании носителей языка;
при этом (2) как и для всех концептов, для коммуни-
кативных концептов очень большое значение имеют
лексемы – имена для них и для их компонентов.
Данные лексемы упорядочены по стандартной схеме,
которая рассматривается как *цепочка речезанровой
системности* и анализируется по ряду парамет-
ров, значимых как прагматически (иллокутивно), так
и лексикологически и отчасти грамматически.

$K_{om}K$ – это концепты, имеющие четкое компо-
зиционно-тематически-стилистическое содержание,
при этом зафиксированные в языке имена данных
концептов являются или непосредственно именами
речевых жанров, или их компонентов (стратегий,
тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение
к ним в рамках данной культуры.

$K_{om}K$ составляет цепочка речезанровой системно-
сти «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип
~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое заполнение характеризуется одно-
родностью и относительной системностью: данные
лексемы называют речевые единицы одного уров-
ня, объединенные одной содержательной, в плане
коммуникативно-речевой организации, речезанровой
доминантой (а не единицы разных уровней, такие
как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие
спросить / спрашивать, задать вопрос и подоб. ~
есть вопросительная коммуникативная тональность
(здесь лексему подобрать труднее, но возможны
и естественны описания в рефлексии / метавыска-
зываниях: *с вопросительной интонацией, как бы
вопрашая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сы-
ронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей
видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр
(здесь сложности возникают как раз с заполнени-
ем жанра: *ироническое высказывание...*, но жанр ли
это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?*
(ср.: [37])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуни-
кативную роль / типаж, организованные тоже этим
жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот
термин, хотя он не относится к распространенным
и употребительным в речи), совсем трудно – для
вопроса: *спрашивающий, (профессиональный) ин-
тервьюер, любопытный, почемучка...*

В случае симметричной концептуализации за-
полняются все звенья цепочки. Из приведенных
примеров видно, что заполнение звеньев цепочки
лексикой может быть неполным и неравномерным,
возможны «белые пятна», тоже разные для раз-
ных цепочек, возможно, наоборот, детализированное
и многословное заполнение какого-то отдельного зве-
на цепочки.

При реконструкции $K_{om}K$ на первый план может
выходить **речезанровая** типизация, **действие** (ком-
муникативные и речевые акты), **процессуальность**
(коммуникативные и речевые события и сложные со-
бытия), **манера поведения, роль** в рамках данного
типа коммуникации (например соревновательной или
игровой) или сам социальный тип (точнее, его ком-
муникативное преломление – **лингвокультурный
типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{om}K$
на первый план может выходить (как производя-
щая основа при последующей словообразовательной
деривации) **имя типажа** (естественно, это существи-
тельное), **речевого действия**: однократного (речевого
акт) и длительного (и тогда это глаголы, соот-
ветственно, сов. и несов. вида), **имя процесса**
(существительное), **тональности** (наречие) или же
непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже
более вероятны существительные, чем глаголы, кото-
рые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лек-
семы – имена для единиц, составляющих $K_{om}K$,
а) относятся к разным частям речи и лексико-
семантическим (лексико-грамматическим) классам;
б) представляют собой оценочные, экспрессив-
ные, образные, нелитературные слова, *в)* метафоры,
г) неологизмы, в том числе: *д)* созданные по суще-
ствующим / традиционными словообразовательным
моделям; *е)* заимствования.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оце-
ночных звеньев не оценочных цепочек) наиболее
принципиальным аспектом (и звеном цепочки) яв-
ляется **тональность**, которая практически всегда
оценочна (причем эта оценочность может быть двух
разных типов: с одной стороны – экспрессивность
коммуникативного поведения (*возмущенно*), с дру-
гой – оценка, даваемая коммуникантам или одному
из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне,
фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Данная жанровая (жанрово релевантная) оценоч-
ность фиксируется в языке на лексическом уровне,
при этом выделяются **оценочные лексемы**:

- 1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);
- 2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кличиться, клеветать, подстрекать*));
- 3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:
 - а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;
 - б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман.*

1.3. В целом жанроведение соответствует такой тенденции современной отечественной лингвистики, как **содержательноцентризм** (прежде всего это касается когнитивного и аксиологического жанроведения, но далеко не только их).

Исследователями (например, [7, 11, 38–43] и др.) тенденции общего характера в развитии отечественной и зарубежной лингвистики описывались в терминах:

- 1) оппозиции **абстрактного объективизма** и **индивидуалистического субъективизма**: эту оппозицию ввел М. М. Бахтин / В. Н. Волошинов в работе «Марксизм и философия языка» по отношению к лингвистике XIX – начала XX вв. (противопоставление «условного Соссюра» и «условного Гумбольдта»);
- 2) **семантизации**, противопоставляемой формальному описанию языковой структуры / «формацентризму», «формулацентризму» (частные случаи семантизации – большее внимание к лексике по сравнению с грамматикой, активное составление словарей, «словоцентризм» как одна из тенденций лингвосомиотики);
- 3) **функционализации**, к которой относят, прежде всего, изучение различных аспектов речевой коммуникации: структуры коммуникативной ситуации, распределения коммуникативных ролей, специфических речевых, а не языковых единиц (речевые акты, жанры, стратегии, тактики). Сюда же обычно относят дискурсивные, риторические, стилистические (функциональная стилистика) и (отчасти) социолингвистические исследования и т. д.;
- 4) (отсюда – шире) **антропоцентризм / антропологическая лингвистика и когнитивизм** в широком смысле (где внимание переносится с языковых (более-менее четких и непротиворечивых) моделей на модели человеческого мышления (во многом «нелогичные»)), а также **биосомиотика** (доминантные и ризоматические модели при объяснении языковых и речевых явлений и т. п.);
- 5) наконец, **сближение с «неточными науками»**, использование их методов, с подчеркиванием

того, что традиционные лингвистические (структурные) методы не справляются с описанием реального («слишком большого», «слишком сложного», «противоречивого», «хаотичного» и т. п.) материала.

К наиболее релевантным для данных направлений и наиболее частотно проявляющимся в них признакам относятся: перенесение внимания с языка-системы вовне (причем это «вовне» может пониматься и как внеязыковая действительность, и как функционирование языка); активное взаимодействие с культурологией и концептологией (изучение языковой картины мира и национальных ЯКМ, концептосфер), персонологией (изучение языковых личностей), литературоведением. Для целого ряда направлений характерно также стремление исследователей (явное или неявное или даже бессознательное) активно привлекать материал особого рода – наиболее яркие, а следовательно, редкие и даже единичные примеры, при этом скорее большие, чем традиционные для лингвистики единицы «слово-предложение», – большие тексты, что действительно характерно для литературоведения и подоб. Ср., например, тенденцию опираться при изучении коммуникации на художественные диалоги, для многих из которых характерна стилизация вместо типизации (привлечение для этой цели в последние годы материала корпусов только усиливает данную тенденцию). Все это также способствует описательности в лингвистических исследованиях.

Место жанроведения в данной парадигме определяется следующим.

Хотя Бахтин понимал РЖ как стандартные **формы** высказываний (РЖ являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [1: 192]) и, по логике, в центре внимания должны быть описание и систематизация стандартных речевых форм, в реальности (по крайней мере, сегодняшней) данные исследования тяготеют к содержательно-центризму.

Наиболее востребованная формальная модель при изучении живой речи – (западная) теория речевых актов (ТРА), как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более-менее объемных фрагментов и целых разговоров. Показательно, что ТРЖ, изначально претендующая на описание и систематизацию принципиально более объемных единиц – РЖ (и многими исследователями понимается поэтому как более удачная альтернатива ТРА), с одной стороны, скорее российская, чем западная, с другой – более содержательно-центричная, чем ТРА. Отсюда становятся востребованными соответствующие методы, напоминающие литературоведческие. Таким – сближающимся с литературоведческим – является анализ почти всех реальных художественных и нехудожественных текстов, а также устных разговоров через призму ТРЖ (такими были

уже первые опыты да и исследовательский стиль Бахтина-лингвиста). Зато этого стиля, как известно, полностью лишена ТРА, начиная от первых моделей Остина, Серля, Грайса¹.

Следует добавить, что если формальная лингвистика в России действительно развита недостаточно (по уже приводившемуся утверждению В. М. Алпатова), то функционализм распространен и у нас, и на Западе, что, однако, не привело к распространению на Западе жанроведения, – данный феномен еще предстоит осмыслить.

1.4. Но больше всего жанроведение дает лингвистике **коммуникативной**, изучающей **диалогические** явления языка и текста. Современная лингвистика речи (речеведение, коллоквиалистика, конверсационный анализ, дискурс-анализ) опирается на понятие РЖ в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении порождения и интерпретации речи. ТРЖ является одной из немногих действующих на практике моделей речевой коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых «вне» ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

В этой связи следует вспомнить концепцию принципов членения лингвистики, предложенную К. Ф. Седовым: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом – жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика. К. Ф. Седов включал жанроведение в лингвистику речи, причем считал ее важнейшей частью [7: 14–21].

1.4.1. Речевой жанр как конститутивная категория дискурса

Проблема речевой системности является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы – задача-максимум и лингвистики текста, и теории дискурса.

Как известно, в основе лингвистики текста с момента ее возникновения на основе прагматики, стилистики и риторики лежало представление об особых – отработанных в общении, стандартных, узнаваемых речевых правилах, упорядочивающих речь и при этом отличных от правил языка. Действительно, если бы «правила текста / речи» совпадали с языковыми правилами и нормами, было бы непонятно, с одной стороны, чем отличаются друг от друга разные типы текстов на одном и том же языке (*роман, записка, протокол, письмо*); с другой стороны – чем отличался бы текст как единица речи от предложения.

В лингвистике текста установлено, что «правила текста / речи» многомерны, вариативны и обращены к многочисленным сторонам внеязыковой действительности: к языку и тем языковым / речевым единицам, из которых текст построен, к собственному содержанию, то есть отражаемой реальной или воображаемой действительности, к своему автору (соответственно – к его интенциям и мотивам, то есть к своей цели) и читателю / слушателю, к другим авторам и текстам, наконец, к культуре во всей ее совокупности (в любом тексте, «как в капле воды океан», отражается вся национальная и человеческая культура).

Естественно, текст обращен к своему жанру как к наиболее очевидному из текстовых правил.

Главным из факторов упорядочивания и нормативности коммуникации (в синергетической терминологии – *аттракторов*) выступает язык.

Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: различные жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации, коммуникативные категории.

Для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание явления РЖ как переходного между языком и речью. С одной стороны, жанры – это

¹ Другими тенденциями содержательноцентризма являются, например:

- изучение **концептов**, по популярности у современных лингвистов явно стремящееся в «научный топ»: выраженный содержательноцентричный характер данных исследований нет необходимости специально подчеркивать (они охватывают самые разные содержательные компоненты: коннотативные, узуальные, потенциальные, ассоциативные); отметим, что, на наш взгляд, прежде всего это касается двух актуальных направлений концептологических исследований: (1) изучения **национально-специфических концептов** (часто в связи с культурными сценариями, «национальными характерами» и другими национальными культурами) и (2) **художественных концептов**, при этом в обоих случаях, естественно, искались закономерности, но на первый план часто выходила индивидуальность;
- изучение **непрямой коммуникации** (НК): имеет отчетливый содержательно-ориентированный характер общее **определение НК** (содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата); **модель НК**, включающая два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность); **классификация НК**, где основные типы выделяются тоже на содержательно-ориентированных основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации) [44, 45].

не коммуникация, а только ее формы [1: 192]; с другой стороны – это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и «не совсем» речь: это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками не прямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами.

Важнейшими жанровыми аспектами структурирования и интерпретации коммуникации являются: существование типических жанровых форм, в которые отливаются высказывания (в том числе косвенные); существование внутрижанровой вариативности; существование переакцентуации и вторичных жанров; существование косвенных речевых жанров (жанр как носитель некоторого объема имплицитной информации); жанр как аттрактор, т. е. средство стандартизации и снятия ряда степеней «непрямоты» коммуникации.

1.4.2. Речевой жанр как единица дискурса

В логике речевых аттракторов разные единицы представляют разные типы системности дискурса. В целом, несмотря на то что объективность существования речевых аттракторов признается всеми исследователями, до сих пор не удалось представить полную картину соотношения всех таких моментов системности (тем более то, как относится системность жанровая к остальным типам) – даже если включить в модель только наиболее широко распространенные и изученные типы правил и норм, категорий, единиц.

Вот только очень приблизительный список единиц, представляющих разные типы системности дискурса, – как уже было сказано, при определенном угле взгляда почти в каждой из них можно усмотреть некоторые моменты жанровой системности (а в некоторых – даже поставить знак равенства между данным типом системности и жанровым):

- речевой жанр, субжанр (жанроид), гипержанр;
- коммуникативная категория, коммуникативный концепт (а отсюда – коммуникативная ценность), фрейм, сценарий;
- речевой акт, иллокутивный акт, речевой / коммуникативный ход, иллокутивный компонент, интенция и интенциональное состояние;
- стратегия (микростратегия и макростратегия), тактика (и внутрижанровые стратегии и тактики);
- речевое событие, диалогическое единство, трансакция;
- (функциональный) стиль, тональность, тип дискурса;
- коннектор, «петля», (тематическая) цепь, темо-рематическая прогрессия, функциональная перспектива и коммуникативный динамизм.

Как видим, список (для удобства мы разбили его на несколько относительно более гомогенных групп) включает практически все единицы и модели, используемые в современной дискурсивной теории – говоря очень огрубленно, мы включили сюда то, что так или иначе выходит за пределы синтаксического уровня языка и предложения, начиная с конкретных средств связи между двумя предложениями в тексте.

2. Жанроведение и представление речевой картины современности

Активное участие в лингвистическом изучении актуальных процессов современной речи, несомненно, является одной из главных тенденций ТРЖ. Начальный импульс такому изучению был дан еще М. М. Бахтиным, определившим РЖ как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [1: 165].

При решении этой проблемы, актуальной для современной лингвистики, обращение лингвистики к ТРЖ представляется особенно оправданным, даже обязательным, и список «того, что дало жанроведение современной лингвистике» (возвращаясь к названию этой статьи), составляется особенно уверенно и четко:

- важнейший объект изучения: РЖ в формировании речежанровой картины той или иной страны / эпохи (отсюда – речевой картины страны / эпохи и, возможно, языковой картины страны / эпохи) и наиболее критические, в этом смысле, моменты и тенденции;
- разработанная в ТРЖ методика описания данной речежанровой картины страны / эпохи (речевой / языковой картины страны / эпохи).

(Подробнее о данных двух аспектах см. в нашем цикле статей, посвященном вопросу, как теория речевых жанров помогает описывать «речевую картину» – состояние речи, изменения, тенденции: «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи» [46] и ее продолжении «Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров» [13].)

Для понимания изменений РЖ важно учитывать следующие оппозиции, образованные парами противоположных, но взаимосвязанных тенденций (они во многом близки к факторам языкового филогенеза, хорошо изученным в лингвистике): национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования.

При изучении лингвистического аспекта целесообразно опираться на достижения лингвистики в изучении изменений / развития языка: теории диахронических универсалий, теории неологизмов,

теории заимствований и лингвистической интерференции и т. п. (см.: [47, 48]).

При этом могут быть выделены:

- 1) «Путь снизу», который был отмечен еще Соссюром, утверждавшим, что «исторически акт речи предшествует языку» [49: 57]). Для нас важно мнение М. М. Бахтина, которое можно понимать как дополнение к этому положению Соссюра: языковой системности предшествует практической коммуникации, а тем самым – системность речевая, речевая: «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [1: 165].

И Соссюр, и Бахтин имели в виду развитие речи / языка на национальной (оригинальной) почве.

Специалисты по языковым заимствованиям тоже рассматривают, со своей точки зрения, «путь снизу» в развитии языка, при этом выделяют три стадии: 1) заимствования, 2) интерференцию (накопившееся большое количество заимствований приводит к более существенным качественным изменениям в системе), 3) закрепление изменений в системе языка.

- 2) «Путь сверху»: развитие нового в РЖ (как и нового в языке) производно от более общих изменений культуры, таких как смена социальных формаций, господствующей идеологии, эволюция государственных структур, основные тенденции в обществе.

Последовательное рассмотрение «пути сверху» ставит в центр внимания не собственно лингвистический, а **экстралингвистический** аспект, точнее, экстралингвистические факторы, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новым особенностям традиционных РЖ и их трансформации.

Ключевой для нас вопрос здесь, конечно: какое участие в формировании и закреплении всего этого нового принимают жанры?

ТРЖ дает ответ: так как жанры сами являются отчасти новыми, а главное – служат мостком от непосредственной коммуникации (психологических и коммуникативных целей и мотивов участников коммуникации, их состояний, ориентиров, как ситуационных, так и постоянных) к настоящей, т. е. языковой, системности (данная системность может быть и в литературном языке, и в нелитературных стратах), участие является значимым. (Ср. новые коммуникативные феномены: *блог, форум, чат, онлайн-конференции, интерактивные классы и семинары, теледебаты, ток-шоу, онлайн-игры и видеоигры* и др. – эффективно связать если не все, то большинство друг с другом и с языком помогают именно жанры речи.) Поэтому к положительному ответу на поставленный вопрос следует добавить: участие жанров в формировании и закреплении нового в языке и речи является в высокой степени эффективным.

3. Жанры являются средством типологического осмысления лингвокультур (типология лингвокультур на различных жанровых основаниях: тяготение к жанрам и их ти-

пам и вариантам данного типа; наполненность жанрами различных участков и сфер коммуникации внутри данных культур – см., например, фундаментальные исследования А. Вежбицкой и ее школы – К. Годдарда, Б. Питерса [50–55 и др.]).

Кроме того, жанры являются средством и исторического, и даже генетического осмысления лингвокультур. Пример первого – условно, делить культуры на те, где разработаны праздноречевые жанры, включая обращение (ты-вы обращение, а также исторические истоки этих форм), и нет (пример – современная русская). Пример второго – культуры, где приветствие обязательно включает изречение из Святого Писания, Корана, формулу упоминания Аллаха и др. (см., например, о приветствиях в арабском языке в сравнении с русским [56]; А. Вежбицкая выявила упоминание бога, духов, предков в приветствиях эве и сформулировала культурные сценарии, сложившиеся в современном эве [52: 146–149]. Выделяются и изучаются исторические этапы, когда жанры играют разную роль – ср. жанр самоуничижения у древнерусских писцов [57], проработки в раннесоветской культуре [58], *small talk* в современной англо-американской культуре [59] и т. п.). Речь идет о чем-то наподобие углубленного, со специфическими уклонами анализе эволюции коммуникативной компетенции, ее структуры, при подчеркнутном внимании к жанровым аспектам этой структуры.

Естественной является тенденция использовать для успеха общения те средства коммуникации (включая РЖ), которыми человек владеет лучше всего, увереннее всего, а также – немаловажно – которые уже зарекомендовали себя как эффективные в определенных типичных ситуациях. Так, в любовном дискурсе хороши куртуазные формы речи и поведения, которым современная коммуникация обязана романской (итало-французской) культуре (как бы мало современный средний человек ни был исторически-культурно образован, он что-то знает об этом), в праздничном, карнавальном дискурсе – не столько «карнавально-бразильские» (что средний небразилец знает о них?), сколько разработанные в средневековой европейской (прежде всего – той же куртуазной и игривой французской), а в деловой беседе – ее этикет, включая *small talk* и др. жанры, проработанные в современной англо-американской культуре.

Точно так же, вероятно, в морском / корабельном дискурсе XVIII в. (русском) – голландские (но, конечно, о жанрах, стереотипа того «морского дискурса» осталось очень мало аутентичных памятников – основные, так сказать, следы остались в морской терминологии [60]). Если же попытаться еще больше погрузиться в глубь веков, можно предположить, что в русском крепостническом дискурсе XV–XIX вв. для задабривания и крепостников, и чиновников использовались формы и жанры (или их следы), разработанные раньше – во времена Орды (общение русских, особенно князей, с мурзами и подоб.). Русские, в общем, не могут не отдавать себе отчет, что разработанная в русской коммуникативной культуре чрезвычайно богатая и эффективная система средств и формул дружеского общения мо-

жет стать удобным инструментом для достижения различных корыстных целей – и отдельные носители русской речевых компетенции не могут время от времени не использовать данный инструмент: как разновидность лести, задабривания собеседника (например начальника): разговаривая с ним как с другом. Вероятно, особенно действенным, потому что не вызывающим подозрений, такой способ может быть как раз с «другим», т. е. культурным аутсайдером, – а представители власти на Руси часто были такими: «от Рюрика», ордынские баскаки и т. д. Много интересного дало бы историческое речевое исследование (но на каком материале?) общения с начальником, где в формировании образа начальника «на генетическом уровне» повлияли такие мурзы из Орды, которым приписывается и сила, и неспособность понять нашу систему (*Ты начальник – я дурак*).

Конечно, эти два типа структурирования культуры / культур (при возможности сопоставления) связаны: например, количество образованных людей, качество образования в данную эпоху, наиболее актуальные обсуждаемые общественные проблемы, наиболее читаемые, обсуждаемые, инсценируемые в театре, кино произведения – «субстанциональный», генетический подход, но он неразрывно связан с типологическим, абстрактно-структурным подходом: какие речевые жанры были популярны (для оформления и передачи этих и подобных текстов): сложные, «высокие», «творческие» – или «низкопробные»: «на уровне: шоу, скандалы, преступления, расследования, гороскопы»...

В этом диахроническом смысле, таким образом, РЖ может дать лингвистике (скорее это пожелание на будущее) материал для осмысления будущей языковой узуальности и даже системности, а именно: РЖ как основа такой системности.

Объективная трудность связана с неравномерностью представленности материала.

Эпох, о которых сохранилось достаточно сведений и в плане языка, и речи и речевых жанров, очень мало, в основном о прошлых эпохах мы имеем более-менее надежные данные, касающиеся языка, но не речи / РЖ; о современной речи, наоборот, – о речи, языковые изменения, следующие за жанрами речи, ждут нас в будущем.

4. Одна из наиболее актуальных проблем здесь – речевые заимствования. Как уже было сказано, их удобно рассматривать (особенно на начальном этапе) в связи с языковыми заимствованиями и неологизмами.

Было бы преувеличением утверждать, что за любым неологизмом, обозначающим новое явление, стоит определенный РЖ, через который данное слово и вошло в язык. Но за новым коммуникативным явлением – видимо, всегда: или собственно жанр, или какое-то промежуточное явление с потенциями стереотипизации и конвенционализации из околожанрового пространства речи. Распределение жанров на сферы не всегда совпадает с распределением на сферы неязыковой действительности; даже распределение жанров на первичные и вторичные не всегда совпадает с распределением на сферы такие, как –

повседневная бытовая непосредственная и идеологически-социально-культурно опосредованные.

В ряде сфер, особенно новых технических, показательное появление лексических неологизмов, или собственно неологизмов, – лексем для их наименования (*ток-шоу, реалити-шоу, блогер, пиар, пиарщик, креативщик, криэйтор, рекламищик, лайкать, флеш-моб*) – в большинстве заимствованные, но не только: одни из них вошли в литературный язык, другие нет, одни являются общеязыковыми, другие принадлежат специальным жаргонам и / или терминосистемам.

Возвращаясь к понятию коммуникативного концепта и его структуры (§ 1.2), показательное распределение новейших неологизмов и заимствований, именуемых компоненты $K_{om}K$, в языковом сознании современной российской молодежи. Исследование осуществлялось путем анкетирования: 100 саратовским студентам (возраст ок. 20 лет) предлагались вопросы: 1) Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале (*имиджборд, имиджбордщик, стрит-рейсинг, спид-дейтинг, смоктокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбучик, инстаграмить, инстаграмицик, твиттерцик, игнорицик, флудцик, комплиментинг, флиртинг, статуситься* и т. п.); 2) Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи – глагол (имя акта речи или процесса) – название роли / типажа и т. п.». Какие «звенья» этих цепочек являются лишними? Какие являются главными или основными? (цепочки: *троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ корпоративцик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ бложить ~ блогить ~ блогинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбучицик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмицик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорицик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудцик ~ флудильцик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерцик; имиджборд ~ имиджбординг ~ имиджбордчик; статус ~ статуситься ~ статусинг* и т. п.); 3) Можно ли сказать: «Это случилось во время...»? (варианты: *...корпоратива, стрит-рейсинга, промоутинга, троллинга, камингаута, чата, чаттинга, форума, форуминга, блога, блогинга, фейсбука, фейсбучинга, инстаграма, инстаграминга, игнора, игноринга, флуда, флудинга, твиттера, твиттинга, имиджборда, имиджбординга, статусинга*).

Анкетирование выявило некоторые детали конкретного языкового оформления цепочки «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр»: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные и особенно наречия встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного) ⇒ прилагательное, 2) характеристика действия / РА (глагола) ⇒ наречие» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Языковое заполнение цепочки «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр»
(на материале анкетирования)

The language filling of the chain “action/act ~ process/manner ~ role/type ~ tonality ~ genre”
(on the questionnaire material)

Имя жанра – существит.	Глагол – имя акта речи	Глагол – имя процесса	Существит. на -инг	Название роли или типажа (существит.)	Возможность «это случилось во время X»	
<i>party / парти</i>	–	–	–	?	+	
<i>комплимент</i>	–	–	<i>комплиментинг</i>	? <i>комплиментицик</i>	–	
<i>флирт</i>	–	–	<i>флиртинг</i>	?	+	
<i>small talk / смол-ток</i>	–	–	?	<i>смолтокер</i>	+	
<i>(speed dating / спид-дейтинг)</i>	?	?	<i>speed dating / спид-дейтинг</i>	?	+	
<i>промоуш(е)н</i>	?	?	<i>промоутинг</i>	промоутер	?	
<i>интервью</i>	–	–	<i>интервьюинг</i>	?	+	
<i>презентация</i>	?	?	–	? <i>презентационцик</i>	+	
<i>корпоратив</i>	–	<i>корпоративить(ся)</i>	?	<i>корпоративцик</i>	+	
<i>камингаут</i>	? <i>камингаутить</i>	?	?	<i>камингаутер</i>	–	
Интернет-жанры	<i>(троллинг)</i>	<i>(по-, за)троллить</i>	<i>троллить</i>	троллинг	троль	–
	<i>блог, бложик</i>	?	? <i>бложить</i>	<i>блог(е)инг</i>	<i>блог(е)ер</i>	–
	<i>форум</i>	?	? <i>форумить</i>	? <i>форуминг</i>	<i>форумчанин, аскер</i>	–
	<i>чат</i>	<i>(по)чатиться, чатнуться</i>	<i>чатиться</i>	? <i>чат(т)инг</i>	? <i>чаттер, чатланин</i>	?
	<i>статус</i>	? <i>(от)статуситься</i>	–	? <i>статусинг</i>	–	–
	<i>твит, твиттер</i>	<i>твитнуть</i>	<i>твититься</i>	<i>твитинг</i>	? <i>твиттерицик</i>	?
	<i>LJ / ЖЖ, жежеешка</i>	–	–	–	centk ?	–
	<i>Facebook / фейсбук</i>	?	<i>фейсбучить(ся)</i>	? <i>фейсбучинг</i>	? <i>фейсбучицик</i>	?
	<i>Instagram / инстаграм</i>	<i>(за)инстаграмить</i>	<i>инстаграмить(ся)</i>	? <i>инстаграминг</i>	<i>инстаграмицик, инстаграмицица</i>	?
	<i>имиджборд</i>	–	–	<i>имиджбординг</i>	? <i>имиджбордицик</i>	?
	<i>бан</i>	<i>(за)банить</i>	?	? <i>банинг</i>	?	–
	<i>игнор</i>	<i>игнорить</i>	<i>игнорить</i>	<i>игноринг</i>	<i>игнорицик</i>	–
	<i>кат</i>	?	?	?	? <i>катицик</i>	–
	<i>флуд</i>	<i>флудить</i>	?	<i>флудинг</i>	? <i>флудицик, флудилицик</i>	?
	–	–	–	? <i>модераторинг</i>	модератор	–
	?	?	?	–	геймер	?
	<i>коммент</i>	<i>комментить</i>	<i>комментить</i>	?	centk ?	?
<i>пост</i>	<i>запостить</i>	<i>постить</i>	?	centk ?	?	
<i>репост</i>	<i>репостнуть</i>	<i>репостить</i>	?	centk ?	?	
<i>лайк</i>	<i>лайкнуть</i>	<i>лайкать</i>	?	<i>лайкальцик</i>	?	
<i>спам</i>	<i>спамить</i>	<i>спамить</i>	?	<i>спамицик</i>	?	

Согласно результатам анкеты, самым нормальным / устоявшимся / распространенным современные 20-летние информанты считают «игнорицик» (можно предположить, что не только в интернет-коммуника-

ции) – он получил больше всего оценок «5». Больше всего оценок «5» и «4» получили также «инстаграмить» и «фейсбучить». Наименее нормальными / устоявшимися / распространенными считают «смол-

токер» и «камингаутер» – они получили больше всего оценок «1» (и даже «0»). Больше всего оценок «1» и «2» получили также «спид-дейтинг» и «статусинг» (подробнее см.: [61]).

5. Интернет-коммуникация

За довольно короткое время существования интернет-коммуникации уже успели сложиться и полноценная интернет-лингвистика, и интернет-жанроведение, конечно, сильно связанные друг с другом.

Интернет – «новая цивилизация», «новое чудо света», роль которого в формировании и новых видов и форм коммуникации и ее жанров – и ее языка – трудно переоценить.

По нашему мнению, Интернет должен быть понят, во-первых, как *коммуникативный* феномен (главное, ради чего приходят в Интернет тысячи и миллионы пользователей, – общение), во-вторых – как феномен *гуманитарный*: как отразил – и как по-новому объяснил природу человеческого общения, малых и больших человеческих сообществ – и как изменил их.

Интернет-коммуникация изучается жанроведами с точки зрения лингвокреативности и формирования нового стандарта (даже «новой грамотности»), диалогичности, ритуализации и персонализации [10, 62–64]. Активно исследуются отдельные жанры интернет-коммуникации [10, 65]. Как и следовало ожидать, особенно велика активность западных лингвистов, изучающих жанры интернет-общения: см.: [66–70].

Рассмотрение жанров Интернета наводит на целый ряд весьма серьезных размышлений, которые затрагивают гораздо более широкие сферы, включая сферы базовых человеческих потребностей, нравственности, (новой) обрядовости, оценочности, конечно, межличностных отношений (близости) и социального статуса.

Следует подчеркнуть, что современное изучение интернет-коммуникации, где роль речевых жанров, а отсюда жанроведения, особенно значительна, также осуществляется под значительным влиянием

содержательноцентризма (см. § 1.3). Хотя интернет-коммуникации, как и коммуникации в целом, присуще стремление к влиятельности, а значит, к яркости (и в качестве иллюстраций, например, интернет-жанров исследователи выбирают не менее яркие и индивидуальные образцы, чем жанрово-ролевые сценки у исследователей устных жанров), на настоящем этапе более заметны противоположные формальные тенденции, проистекающие из технической обусловленности интернет-коммуникации. Сюда относится, прежде всего, упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа – опознавания, поиска и подсчета. Но и здесь уже сейчас намечаются содержательноцентричные тенденции: именно из-за того, что названные технические, формальные характеристики интернет-коммуникации являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, – прежде всего «нелогичное творчество»: «Соответственно, и конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы» [71].

6. Игровая коммуникация

В пространстве игровой коммуникации происходит настоящий расцвет игровых онлайн-жанров (возможно, сейчас мы наблюдаем лишь начало такого расцвета).

Большая степень вовлеченности пользователей, особенно молодых, в эти виды и жанры коммуникации уже привело к социопсихологическому сдвигу (некоторые социологи говорят о более жестком, чем в предыдущие периоды, противопоставлении поколений, основой которого является Интернет, онлайн-игры) (так, у современных студентов слова «игра», «правила игр» вызывают новые устойчивые ассоциации: «ролевых»), причем это противопоставление, начавшееся с игровой коммуникации, впоследствии распространяется и на неигровую коммуникацию.

²Ср., например, фантастический цикл Сергея Лукьяненко «Глубина», который составляют три произведения: романы «Лабиринт отражений» (написан в 1996–1997 гг.) и «Фальшивые зеркала» (1998) и повесть «Прозрачные витражи» (1999). В цикле Лукьяненко в Интернете появляется новая реальность – «глубина», в которой люди могут жить. В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «deep» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей.

Перед нами фантастическая реальность, в которой, с одной стороны, «возможно всё», но с другой – используется довольно ограниченное количество возможностей, поскольку ее «творят» реальные люди – наши современники, носители «обыкновенных» умений, привычек и потребностей. В этом отношении очень интересны, с точки зрения нашего исследования, именно те новые формы коммуникации (и связанные с ними преимущества и проблемы), которые возникают в этой фантастической «глубине», творимой обычными людьми. (Подробнее см.: [72].)

Данный феномен активно осмысливается филологами, социологами, а также писателями² и изучается, прежде всего, в западной лингвистике, теории коммуникации, теории игр и т. д.: ряд интересных исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [73–76];
- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [77];
- собственно языковым феноменам в онлайн-играх и видеоиграх: анализ английского языка как лингва-франка в видеоиграх и перевод видеоигр, креативные действия и юмор (включая языковую игру), их перевод [78; 79].

В отечественной науке данному феномену, к сожалению, были посвящены лишь единичные исследования (см., например: [80–82]), причем вообще не было жанроведческих работ.

7. Жанроведение и корпусная лингвистика

В данном случае (возвращаясь к названию этой статьи) более правомерным является вопрос, что дали корпусные методы *И* жанроведению, *И* лингвистике (объективно, на данный момент, лингвистике – гораздо больше, но вопрос о вкладе жанроведения в корпусные методики анализа языка и речи не является бессодержательным, причем имеют в виду и уточнение уже используемых методов, и ряд принципиально новых моделей).

При изучении речевых жанров корпуса и формируемые в их форматах пользовательские подкорпусы могут выступать как база / фонд материала исследования. Используя хранимые и размеченные в корпусах тексты различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и мн. др.). Например, в **художественном** подкорпусе НКРЯ выделяются «жанры текста»: *нежанровая проза, детектив, боевик, детская, историческая проза, приключения, фантастика, любовная история, юмор и сатира, документальная проза, драматургия, перевод* [83].

Кроме того, используя материал, хранящийся в корпусах, можно изучать **жанрово-ролевые сценки**, т. е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.).

В целом о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно

и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем, при этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз».

При работе с корпусами проблема таких ключевых фраз, или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах, становится не просто важной, но критической, а главное – исследователю приходится решать данную проблему почти с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались. В результате, конечно, в анализ будет привнесена доля субъективизма, что в известной степени обесценивает достоинства корпусного подхода.

В основе разных типов ключевых фраз лежат разные пути выявления таких фраз, требования, предъявляемые к ним: данные требования проистекают, **во-первых**, из природы самих речевых жанров различных типов – здесь особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных (интерпретативно сложных) жанров. Данное основание обуславливает особые технические характеристики ключевых фраз, выделяемых в корпусах: следует ли осуществлять поиск неизменной при любых обстоятельствах фразы (типа упомянутой идиомы *по душам*) или поиск должен быть более гибким и включать варианты, формы слов и фраз (типа *гламур / гламурный* + полные падежные парадигмы данных имен существительного и прилагательного), вплоть до перемных лексем. Но, как это обычно бывает, допущение варьирования формы в итоге приводит к допущению содержательного варьирования.

Во-вторых, данные требования проистекают из технических возможностей корпусов, **в-третьих** – из задач конкретного жанроведческого исследования: требуется ли, прежде всего, идентифицировать жанры речи в тексте / речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров.

Данные три типа требований, очевидно, порождают три типа ключевых фраз. Однако даже начальный анализ показывает, что данные типы имеют самый общий характер, внутри всех возможно очень большое количество конкретных вполне пригодных для того или иного жанроведческого анализа критериев, соответственно – типов ключевых фраз.

Особенно велико разнообразие последнего типа: в рамках уже идентифицированных жанров может быть выделено множество различных дополнительных аспектов, обладающих свойством исчислимости, список которых (особенно у упоминавшихся сложных и косвенных жанров) кажется поистине безграничным, причем, кажется, каждый из таких аспектов способен дать при обращении к корпусам какую-то ценную информацию речежанрового характера.

Например, для жанра *романа*:

- количество / процент лексем «X» (исчислению может быть подвергнут текст всего романа и отдельных его частей); текст романа может быть сопоставлен с другими текстами этого же авто-

ра разных периодов и текстами других авторов и т. д.; все это касается и следующих аспектов);

- морфологических форм «У» (в том числе – частей речи);
- синтаксических конструкций того или иного типа «Z»;
- стилистически маркированных лексем или идиом и т. д. (контент-анализ).

Методологически, во-первых, ключевая фраза должна отвечать **семантике** (точнее – **главной семантике**) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе по этому критерию можно реально искать и находить **большое количество примеров** (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

В случае успешного решения поставленных задач мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речевой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [42].

Например, для РЖ *просьба* (табл. 2).

Обсуждаемое направление пересекается с традиционной для лингвистики теоретической и практической проблемой конкретного **лексического и грамматического наполнения** текстов в рамках тех или иных жанров (подробнее см.: [84]).

8. Жанроведение и наукометрия

У нас нет сомнений, что нынешняя цифровизация культуры вызовет большое повышение активности жанроведения и даже, возможно, развитие нового направления жанроведения.

Цифровизация затронула ряд сфер словесности и культуры, некоторые весьма критично, это привело к их качественным изменениям.

Так, в сфере массовых коммуникаций (включая интернет-коммуникацию) цифровизация создает новые возможности отслеживания и поиска, рубрикации и статистического учета (часто автоматического). Ср., например, рейтинг читательского внимания / частотности просмотра (на котором основана работа контент-агрегаторов, отбирающих статьи для новостных браузеров в поисковых системах); ср. также ориентированность на симпатию пользователей социальных сетей («лайкоцентризм») и (наоборот) модерацию (она тоже иногда осуществляется автоматически).

Все это направлено на повышение удобства, в конечном итоге – свободы для авторов и читателей (за исключением модерации (иногда тоже автоматической), но ее роль вряд ли является критичной).

Иной была роль цифровизации в сфере науки: здесь она была настолько значительной, что говорят о цифровой революции, «диктатуре индексаций».

Развитие (скорее даже разрастание) систем индексации, таких как Scopus, WoS, DOAJ, РИНЦ, и одновременно рост их влияния, ужесточение и формализация требований к оформлению статей и монографий и обязательности данных требований для авторов могут быть отнесены к наиболее значительным и заметным тенденциям научной жизни начала XXI в.

Причем (этому явлению пока, на наш взгляд, не уделяется должного внимания) все эти новации являются по сути речевыми, поскольку касаются стандартизации текстовых структур и их статистического учета (и, в сущности, только их).

Таблица 2 / Table 2

Корпусные (НКРЯ) типологические характеристики РЖ
(на примере РЖ *просьба*)
Corpus (Russian National Corpus) typological characteristics of speech genre
(on the example of the *request* speech genre)

Жанр	Наличие ключевой лексемы	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
Просьба	<i>прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>пожалуйста</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15
	<i>будьте добры</i>				

Это мы и имеем в виду, говоря о связи с ТРЖ.

Как и следовало ожидать, параллельно с развитием цифровизации осуществляется ее осмысление, в том числе самими представителями научного мира. Однако (уже довольно многочисленными) реакциями на цифровизацию³ давались пока что почти исключительно в оценочном плане, попыток осмысления собственно структурной, речежанровой природы данного явления, насколько нам известно, пока не было.

Среди реакций есть и положительные, отмечающие удобства цифровизации для исследователей, например:

«<...> все делается теперь автоматически и выкладывается в России в Elibrary.ru. Основной принцип риторики (максимум заботы об адресате) в век Интернета в научной сфере дополнен максимумом удобств поиска нужной информации. И хотя ученые ворчат и жалуются, что объем новых требований только мешает их исследовательской работе, это не совсем так: выполнение помогает и адресантам, и адресатам в поиске нужной научной информации» [99: 42].

Критические высказывания в адрес новой системы многочисленнее и больше слышны:

«Журналы, претендующие на ваковский статус и международный рейтинг, диктуют автору, что должно быть в его статье и чего там быть не должно. Кто вообще имеет право за меня решать, о чем мне писать и что включать в статью, а что не включать? Кто эти люди, какова их квалификация в моей науке и чем они руководствуются в своих инструкциях?» – взволнованно спрашивает И. А. Стернин [100: 14].

Критиками также неоднократно высказывалась мысль, что новая система поощряет слабые, неинформативные, нетворческие работы: научись соблюдать сложные формальные требования – и этого достаточно для того, чтобы написать «как бы статью». При этом значительные формальные изменения, к которым приводит соблюдение данных сложных формальных требований, безболезненны для слабой статьи, а статью сильную очень часто портят:

«Необходимо бороться за качество научной продукции, спору нет. Надо поставить барьеры липовым диссертациям, липовым защитам, липовым статьям. Однако множась непомерные формальные требования (касающиеся содержания, цитирования, библиографии, перевода на английский и т. д.) к научным публикациям затрудняют работу настоящих ученых и упрощают жизнь халтурщикам и плагиаторам, которые все перечисленное тщательно соблюдают.

На их «липу» сквозь пальцы посмотрят редакторы, рецензенты и выведут заключение: хорошая работа (статья, монография, диссертация) – все требования соблюдены, можно и не читать, а публиковать или защищать» [Там же: 16].

Думается, к тревоге И. А. Стернина присоединятся многие ученые, равнодушные к судьбам нынешних научных направлений и школ.

Отвлечься от оценок нам, находящимся не вовне, а внутри данного процесса, трудно.

Но если все же попытаться отвлечься, нельзя не признать, что перед нами интересный процесс, имеющий речежанровое содержание, опирающийся на речежанровые механизмы порождения и трансформации текста, осмысление которых может быть полезно и для того, чтобы лучше понять природу, задачи и инструментарий наукометрии на данном этапе (а тем самым, конечно, помочь оптимизировать ее), и для того, чтобы лучше понять структуру научной речи, а именно: речежанровую структуру. То есть осмысление имеет значение и для ТРЖ, и наукометрии.

Речежанровое содержание цифровизации в сфере науки (точнее – огромной деятельности в данной сфере, затронувшей не только редакции периодических и непериодических изданий, но и буквально всех авторов – «обычных ученых»), как представляется, составляют два круга явлений:

- 1) утверждаются и упорядочиваются структурные требования к статьям и монографиям, индексируемым в системах (Scopus, WoS, РИНЦ и т. п.), а тем самым – увеличиваются наши знания о том, что представляет собой статья со стороны своей структуры (т. е. знания о жанре статьи);
- 2) новые требования систем индексации (Scopus, WoS, РИНЦ) приводят к тому, что тексты статей меняются, их «пишут по-другому», а иногда переделывают после соответствующих рекомендаций от издателей.

При этом, рассматривая те же процессы, о которых эмоционально говорят И. А. Стернин и его единомышленники, приходится отметить, что с точки зрения собственно жанровых процессов моделирования и актуализации такое положение вещей нормально: любой жанр, как параметрическая модель, несет потенциал текстопорождения.

Данная проблема пока еще никогда, насколько нам известно, не была сформулиро-

³См., например: [85–97]. Ср. также материалы форума «Прикладная наукометрия». Участники делились своим опытом сотрудничества с этой системой и обсуждали вопросы о том, нужна ли прикладная наукометрия и если да, то как она должна работать, чтобы, решая одни проблемы в организации науки, одновременно не создавать других [98].

вана в виде самостоятельной теоретической или прикладной проблемы жанроведения или лингвистики, однако становится актуальной в связи с рядом тенденций новейшего времени и в жанроведении, и в лингвистике, и отечественной и мировой гуманитарной и негуманитарной науке в целом.

Теоретической основой данного направления исследований, по всей вероятности, можно считать результаты изучения научного стиля, дискурса и их отдельных жанров (прежде всего сюда следует отнести пермскую функционально-стилистическую школу В. А. Салимовского, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой и др.). Ср. одну из последних работ представителей данного направления, в которой детально разбираются компьютерные программы, работающие со структурными характеристиками научной статьи [12].

Пожалуй, главная (хотя не всегда эксплицируемая) цель данных исследований – ответить на вопрос, что есть научный стиль, дискурс и их отдельные жанры со структурной точки зрения. С одной стороны, задается параметрический список структурных характеристик, с другой – реконструируется картинка прототипного образа: говоря простыми словами, научная статья – это не столько «то, что похоже на статьи В. В. Виноградова», сколько «то, что похоже на статьи, размещаемые в Скопусе или РИНЦ». Фактически перед нами новый способ ответить на вопрос, «что такое типичная / настоящая / хорошая научная статья» (опять-таки со структурной точки зрения), причем следующий логический шаг отсюда – «что обязательно должно быть в X, чтобы этот самый X отвечал высокому званию «статья»».

Как это довольно часто бывает в случае взаимных отношений жанроведения (и жанров) со смежными областями человеческой культуры, коммуникации (такими как педагогика, политика, медицина, реклама), сотрудничество оказывается не только естественным, но и взаимопользным в теоретическом и прикладном аспектах. В этой связи стоит вспомнить издательскую (так!) деятельность замечательного советского лингвиста А. А. Реформатского, весьма обогатившую издательское дело (и полезную и важную для жанроведения, на что указывал В. М. Алпатов [101]).

Собственно текстовых характеристик статей в РИНЦ нет вообще – и это, конечно, отличает выделяемые там признаки от настоящих речежанровых, где текстовые характеристики главные. Характеристики РИНЦ в основном экстралингвистические, но и они важны, и их, вероятно, тоже стоит включать в интегральные речежанровые описания.

(Думается, среди них близки к речежанровым, например, количество самоцитирований автора. Какое отношение к речежанровым имеет главный показатель РИНЦ – индекс Хирша – пока совершенно не понятно.)

То, что эти признаки абстрактны, тоже скорее сближает с речежанровыми, чем отличает от них.

Главное, сам факт, что статья включена в систему РИНЦ, говорит о том, что выполнен целый ряд требований – среди них есть, вероятно, совсем не речежанровые и не речевые (регистрация автора в РИНЦ с присвоением индивидуального номера, подписанный и зарегистрированный договор; прикрепленные pdf-файлы), но есть и текстовые и речежанровые, например, наличие резюме / аннотации (плюс требования к их объему и композиции) и ключевых слов на русском и английском языках, рубрикация (например выделение особых параграфов: постановка проблемы, история вопроса, методика, основная часть, выводы и т. д.), наличие определенным образом упорядоченной библиографии (часто тоже на русском и английском языках (латинизированной)) и др. требования, например, наличие положительных рецензий, доля самоцитирования и подоб.

Иными словами, можно представить вертикальную шкалу оценки научных статей в РИНЦ (через чисто количественные показатели, такие как количество цитирований, индекс Хирша и подоб.) как степень соответствия доминантам жанра (жанра научной статьи, монографии, диссертации или некоего жанра научного дискурса в целом), т. е. характеристику полевую (место по отношению к ядру-периферии соответствующего поля – а это возможно и даже обязательно при полевом представлении жанра [33]), прототипную, а тем самым – горизонтальную речежанровую.

Если перед нами не вертикальная шкала, а поле, то все пункты, выделяемые в РИНЦ, – это признаки, которым должен соответствовать текст, чтобы быть отнесенным к РЖ научной статьи. Самые большие количественные показатели по этим наукометрическим (а по сути речежанровым) пунктам являются показателями того, насколько близок к ядру жанра окажется тот или иной текст, в какой степени его можно считать каноническим / образцовым экземпляром жанра.

В рамках распространенных классификаций, членящих жанры по степени творчества (такие классификации восходят еще к Бахтину), научная статья относится к творческим жанрам, сводить все содержание которых к простому механическому следованию шаблону недопустимо, а значит, в данном случае есть опасность, что влияние наукометрии дает негативно оцениваемые результаты, в жанрово-типологическом плане.

Выводы

Как видим, теория речевых жанров обнаруживает значимые пересечения с целым рядом наиболее актуальных проблем лингвистики. Те разделы лингвистики, где ТРЖ может быть особенно полезна, не ограничиваются собственно набором жанров и их именами и структурой – в ведение обеих дисциплин попадает наиболее принципиальная часть коммуникативно-речевых компетенций на разных уровнях языка и речи в различных сферах.

Главными препятствиями на пути к собственно лингвистическому изучению жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речевому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным числом незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения.

Как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватные методы для их подтверждения.

Базовые положения ТРЖ: положения, что жанры речи управляют порождением и интерпретацией текста; что есть какие-то конкретные жанры (условные X, Y, Z...), а также их типы, – принимаются скорее дедуктивно, между ними и настоящим лингвистическим анализом языкового материала зияет лакуна, заполнить которую лингвистическим инструментарием и методикой еще только предстоит.

Это порождает вполне обоснованный скептицизм у лингвистов – представителей индуктивного подхода: то, что может дать лингвистике ТРЖ в ее нынешнем виде, воспринимается ими как «забегание вперед», не подкрепленное конкретными лингвистическими исследованиями.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует (дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность (в том числе у самих ее представителей) из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими).

Одна из самых больших теоретических проблем, не до конца решенная в данной ста-

тье, – итоги развития какого жанроведения мы пытались представить? Не описываем ли мы жанроведение искусственное, субъективное, существующее только в нашем сознании? В реальности жанроведение уже разветвилось на целый комплекс с трудом согласующихся друг с другом разнообразных дисциплин, концепций, школ, представители которых часто претендуют не только на свой особый материал (что естественно, например, для жанроведческих исследований художественной литературы, рекламы, политической коммуникации, интернет-коммуникации, научной речи и т. п.), но и на свою собственную теорию и терминологию. (Это многообразие подходов и концепций хорошо отражено уже на страницах журнала «Жанры речи».) Вероятно, не все представители этих направлений согласятся с трактовкой автором настоящей статьи их подходов и результатов, тем более – их места по отношению друг к другу, по М. М. Бахтину, в общей жанроведческой парадигме. Но именно такое положение вещей подчеркивает необходимость обобщающих работ по речевым жанрам.

Принципиальным представляется и вопрос о конкретных линиях членения лингвистики и ТРЖ с выявлением наиболее значимых мест взаимного пересечения. Нарисовать такую картину, в сущности, несложно, но она с неизбежностью будет субъективной и производной от конкретного анализа, материала и личных мнений и интересов исследователя. Так, ТРЖ наиболее пересекается с коммуникативно-социологическим направлением лингвистики (или даже является его частью) (по К. Ф. Седову [7]), хотя и для трех других ее направлений (структурно-языкового, когнитивно-психологического и художественного [Там же]; см. выше) ТРЖ очень значима.

Многие особенности современного лингвистического жанроведения определяются содержательноцентричными тенденциями, общими для ряда направлений современной отечественной лингвистики:

- отсутствие или несоразмерно малая доля лингвистического анализа конкретного материала – языковых и речевых единиц, предшествующего выводам более общего характера («перепрыгивание ступеней»), или, другими словами, преимущественно дедуктивный характер;
- принципиальная типологическая незамкнутость материала, распределяемого по анализируемым сферам, возможность (а иногда – обязательность) дополнения списка даже базовых противопоставлений (таких, например, как фатические и информативные речевые жанры; ценностно-, понятийно-, образно-ориентированные кон-

цепты и т. п.), при этом характер данных противопоставлений нежесткий;

- анализу во многих случаях присуща опре-

деленная степень субъективизма, что сближает речезанровый анализ с литературоведческим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. С. 159–206.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
3. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосибир. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.
4. Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
5. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник»). Кемерово : КемГУ, 2018. 171 с.
6. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
7. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).
8. Шарифуллин Б. Я. Речезанровое пространство современного российского города. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2015. 195 с.
9. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров : Лекционно-практический курс для магистрантов. М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2013. 552 с.
10. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита : Забайк. гос. ун-т, 2015. 223 с.
11. Аллатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.
12. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // Жанры речи. 2019. № 2(22). С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>
13. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
14. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>
15. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 9–14.
16. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>
17. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2(18). С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
18. Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 23–29.
19. Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // HERMES-Journal of Language and Communication in Business. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.
20. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation // Syntactic Variation and Genre / ed. by H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. P. 1–26.
21. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 5–42.
22. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 333–342.
23. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
24. Балашова Л. В. Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
25. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
26. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа : Гилем, 2005. 200 с.
27. Склярёвская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М. : Астрель, 2001. 944 с.
28. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.
29. Матвеева Т. В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 44–51.
30. Балашова Л. В. Метафора в жанре жития древнерусской литературы // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 112–123.
31. Сухомлина Т. А. Функционально-семантическая категория футуральности в современном английском языке : текстообразующий аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2017. 349 с.
32. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 4–12.
33. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
34. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112.
35. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.
36. Бузальская Е. В. Лингвокогнитивная типология речевых жанров : на материале эссе // Жанры речи. 2017.

№ 1(15). С. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>

37. *Ермакова О. П.* Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // *Жанры речи*. 2014. № 1–2(9–10). С. 74–80.

38. *Аллатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. 432 с.

39. *Аллатов В. М.* Что и как изучает языкознание // *Вопросы языкознания*. 2015. № 3. С. 7–21.

40. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

41. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

42. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

43. *Haspelmath M.* The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45, № 1. P. 1–34.

44. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

45. *Дементьев В. В.* Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // *Жанры речи*. 2014. № 1–2(9–10). С. 22–49.

46. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 78–107.

47. *Новое в лингвистике*. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.

48. *Баранникова Л. И.* О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // *Язык и общество*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 11. С. 3–6.

49. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

50. *Вежбицкая А.* Речевые жанры // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.

51. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

52. *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.

53. *Питерс Б.* Язык и культурные ценности: этнолингвистическая модель // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 134–150.

54. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

55. *Wierzbicka A.* Overcoming Anglocentrism in Emotion Research // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1, № 1. P. 21–23.

56. *Чуреева О. А., Абу Жад Анас Али Касем.* Актуальные речеповеденческие этикетные формулы приветствия в русской и арабской культурах // *Языки. Культуры*. Перевод. 2016. № 1. С. 263–280.

57. *Гольдин В. Е.* Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 112 с.

58. *Данилов С. Ю.* Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 15 с.

59. *Small talk* / ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000. 319 p.

60. *Солнышкина М. И.* Профессиональный морской язык. М.: Academia, 2005. 256 с.

61. *Дементьев В. В.* Структура заимствованных коммуникативных концептов (на материале анкетирования) // *Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина* / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.; Саратов: Амрита, 2015. С. 201–211.

62. *Карасик В. И.* Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1(21). С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

63. *Колокольцева Т. Н.* Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2(14). С. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>

64. *Шлихина К. М.* Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2018. № 3(19). С. 218–225. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>

65. *Щутицина Л. Ю.* Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2019. № 3(23). С. 215–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

66. *Askehave I., Nielsen A.* What are the Characteristics of Digital Genres? // *Genre Theory from a Multi-modal Perspective: Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. University of Hawaii at Manoa, 2005. P. 120–141.

67. *Automatic Genre Identification* // *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2009. Vol. 24, № 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.

68. *Crystal D.* *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.

69. *Herring S. C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 24.06.2019).

70. *Herring S. C.* New frontiers in interactive multimodal communication // *The Rutledge handbook of language and digital communication* / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Routledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).

71. *Десягин М.* Человек-трансформер // *Изборский клуб*. 2019. 24 января. URL: <https://izborsk-club.ru/16424> (дата обращения: 24.06.2019).

72. *Дементьев В. В.* Об отражении в футуристической научной фантастике проблем современной речевой коммуникации и их возможном изучении коммуникативной лингвистикой // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018. № 3 (14). С. 33–47.

73. *Crawford G., Rutter J.* Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World* / eds. J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington. London: New York University Press, 2007. 271–281.

74. *Drachen A., Smith J. H.* Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // *Computers in Entertainment*. 2008. Vol. 6, № 4. P. 1–36.

75. *Falcão Th., Ribeiro J. C.* The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. London: Routledge, 2011. P. 130–140.

76. *Salen K., Zimmerman E.* *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. London: MIT Press, 2004. 672 p.

77. *Drachen A.* Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling. B. Light. London: Routledge, 2011. 201–223.
78. *Iaia P. L.* Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
79. *MacKenzie I.* Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation // *The European English Messenger*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 47–53.
80. *Антоненко А. А.* Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 20 с.
81. *Карасик В. И.* Компьютерная игра «StarCraft»: лингвокультурные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 237–254.
82. *Рыбалтович Д. Г.* Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 20 с.
83. *Оскольская С. А.* Корпус письменных текстов XIX века: сферы употребления и жанровое разнообразие // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 46–51.
84. *Дементьев В. В., Степанова Н. Б.* Корпусная генерика: проблема ключевых фраз // *Жанры речи*. 2016. № 1(13). С. 24–41. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>
85. *Акоев М. А., Маркусова В. А., Москалева О. В., Писляков В. В.* Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
86. *Анохин А. А.* Базы данных и поисковые системы по научному цитированию – оценка продуктивности трудов исследователя // *Высшая школа*. 2015. № 2. С. 48–53.
87. *Березкина Н., Сикорская О., Хренова Г.* Использование баз данных «Web of Science» и «Scopus» для оценки результатов научной деятельности в Национальной Академии наук Беларуси // *Информационные ресурсы России*. 2011. № 4. С. 19–21.
88. *Болотов В. А., Квелидзе-Күзнецова Н. Н., Лантев В. В., Морозова С. А.* Индекс Хирша в российском индексе научного цитирования // *Вопросы образования*. 2014. № 1. С. 241–262.
89. *Шарабчиев Ю. Т.* Российский индекс научного цитирования eLibrary.ru как инструмент оценки продуктивности и значимости ученых и научных коллективов // *Медицинские новости*. 2013. № 2. С. 24–28.
90. *Evaluating Science and Scientists. An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe* / eds. M. S. Frankel, J. Cave. Budapest: CEU Press, 1997. 226 p.
91. *Frow J.* The Public Humanities // *Modern Language Review*. 2005. Vol. 100: Supplement: 100 Years of “MLR”. P. 269–280.
92. *Head M. L., Holman L., Lanfear R., Kahn A. T., Jennions M. D.* The Extent and Consequences of P-Hacking in Science // *PLoS Biology*. 2015. Vol. 13, № 3. P. e1002106. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1002106>.
93. *Herold E.* Researchers Behaving Badly: Known Frauds Are “the Tip of the Iceberg” // *Leapsmag*. 2018. Oct. 19. URL: <https://leapsmag.com/researchers-behaving-badly-why-scientific-misconduct-may-be-on-the-rise/> (дата обращения: 24.06.2019).
94. *Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S. de, Rafols I.* Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // *Nature*. 2015, April. № 520. P. 429–431.
95. *Meester W.* Access to Excellent Research: Scopus in Lithuania. 2015. URL: http://serials.lt/wp-content/uploads/2015/03/Meester_Access_to_Excellent_Research_Scopus_in_Lithuania_Vilnius_20150318.pdf (дата обращения: 24.06.2019).
96. *Müller J. Z.* The Tyranny of Metrics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 240 p.
97. *Müller R.* Racing for What? Anticipation and Acceleration in the Work and Career Practices of Academic Life Science Postdocs // *Forum: Qualitative Social Science Research*. 2014. Vol. 15, № 3. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/2245/> (дата обращения: 24.06.2019).
98. Прикладная наукометрия // *Антропологический форум*. 2019. № 40. С. 11–84.
99. *Сиротинина О. Б.* Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2019. № 1. С. 39–47.
100. *Стернин И. А.* Как уважать себя заставить? Ученый-филолог размышляет о наиболеешем // *Поиск*. 2017. № 8, 24 февраля. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/> (дата обращения: 24.06.2019).
101. *Алпатов В. М.* Реформатский и Бахтин о жанрах речи // *Жанры речи*. 2018. № 1(17). С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>

REFERENCES

- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisei k rabote “Problema rechevykh zhanrov”. Problema teksta [The problem of speech genres. From archival records to the work “The Problem of Speech Genres”. Text problem]. *Bakhtin M. M. Collected works: in 5 vols.* Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).
- Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
- Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Productivity and variability of speech genres]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t, 2019. 128 p. (in Russian).
- Ponomarenko E. A. *Rechevye zhanry v medicinskom disкурсе (v proizvedeniyah russkikh pisateley-vrachey)* [Speech Genres in medical discourse (in the works of Russian writers had been doctors)]. Simferopol, Dom pisateley im. Dombrovskogo, 2011. 208 p. (in Russian).
- Rabenko T. G. *Russkiy rechevoy zhanr v paradigme lingvističeskoj variantologii (na materiale rechevogo zhanra “lichnyy dnevnik”)* [Russian speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the speech genre “personal diary”)]. Kemerovo, Kem. GU Publ., 2018. 171 p. (in Russian).
- Salimovskiy V. A. *Zhanry rechi v funkcionalno-stilističeskoj osveschenii* [Genres of speech in functional

and stylistic aspects]. Perm, Izd-vo Perm un-ta, 2002. 235 p. (in Russian).

7. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. 440 p. (in Russian). (Studia philologica).

8. Sharifullin B. Ya. *Rechezhanrovoye prostranstvo sovremennoy rossiyanskogo goroda* [The genre space of a modern Russian city]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2015. 195 p.

9. Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov: Lektsionno-prakticheskiy kurs dlya magistrantov* [Theory of speech genres: Lecture and practical course for magistrates]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 552 p. (in Russian).

10. Shchurina Yu. V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic speech genres in modern mass communication]. Chita, Transbaikalsk State University, 2015. 223 p. (in Russian).

11. Alpatov V. M. About two “childhood diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 9–15 (in Russian).

12. Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovsky V. A. Speech Genres as an Object of Computer Analysis (Based on Academic Texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

13. Demytyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1(21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

14. Duskajeva L. R. About genre text categories. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 25–32 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

15. Krasnykh V. V. Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of Homo Loquens. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 9–14 (in Russian).

16. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>

17. Tarasova I. A. Genre in the Cognitive Perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

18. Shevchenko I. S. Concept of communicative behavior and genre. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 23–29 (in Russian).

19. Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 2015, vol. 27, no. 54, pp. 9–20.

20. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation. In: H. Dorgeloh, A. Wanner, eds. *Syntactic Variation and Genre*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2010, pp. 1–26.

21. Nikolayeva T. M. Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Text Linguistics. Current state and prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Iss. 8. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–42 (in Russian).

22. Bulygina T. V. O granitsakh i sodержanii pragmatiki [On the boundaries and content of pragmatics]. *Izv. AN SSSR OLYA* [News of Academy of Sciences of the USSR, series literature and the language], 1981, vol. 40, no. 4, pp. 333–342 (in Russian).

23. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiy: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, Znak Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian)..

24. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica) (in Russian).

25. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod red. Y. D. Apresyana* [Apresyan Yu. D., ed. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow; Vienna, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 1488 p. (in Russian).

26. Vasiliev L. M. *Sistemnyy semanticheskiy slovar' russkogo yazyka. Predikatnaya leksika* [Systemic semantic dictionary of the Russian language. Predicate vocabulary]. Ufa, Gilem Publ., 2005. 200 p. (in Russian).

27. Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyy slovar' sovremennoy russkogo yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language changes at the end of the 20th century]. Moscow, Astrel Publ., 2001. 944 p. (in Russian).

28. Bondarenko V. T. *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Response cues in Russian dialogical speech: a dictionary]. Tula, Izd-vo Tul. gos. ped. unta im. L. N. Tolstogo, 2013. 339 p. (in Russian).

29. Matveeva T. V. K voprosu o ritme kak zhanroobrazuyushchem priznake v razgovornoy rechi [On the question of rhythm as genre-forming sign in oral speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 44–51 (in Russian).

30. Balashova L. V. *Metafora v zhanre zhitiya drevnerusskoj literatury* [The metaphor in the genre of the lives of ancient literature]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 112–123 (in Russian).

31. Sukhomlina T. A. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya futural'nosti v sovremennom angliyskom yazyke: tekstoobrazuyushchiy aspekt* [Functional-semantic category of futuralism in modern English: text-forming aspect]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Samara, 2017. 349 p. (in Russian).

32. Baranov A. G. Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatelnosti [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 4–12 (in Russian).

33. Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

34. Gajda S. *Zhanry razgovornyykh vyskazyvaniy* [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 103–112 (in Russian).

35. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1999. 396 p. (in Russian).

36. Buzalskaya E. V. Linguocognitive Typology of Speech Genres: on the Basis of an Essay. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 30–36 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>
37. Ermakova O. P. Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony). *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 74–80 (in Russian).
38. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
39. Alpatov V. M. What and how studies linguistics. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2015, no. 3, pp. 7–21 (in Russian).
40. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p. (in Russian).
41. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
42. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
43. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*, 2011, vol. 45, no. 1, pp. 1–34 (in Russian).
44. Demytyev V. V. *Nepriyamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
45. Demytyev V. V. Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013. *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 22–49 (in Russian).
46. Demytyev V. V. The theory of speech genres and actual processes of the modern speech. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
47. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1972. Iss. 6. Yazykovyye kontakty [Language contacts]. 536 p. (in Russian).
48. Barannikova L. I. O sootnoshenii sistemnogo i diakhronicheskogo podkhodov k yazyku (k istorii voprosa) [On the relationship of systemic and diachronic approaches to language (to the history of the issue)]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, iss. 11, pp. 3–6 (in Russian).
49. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p. (in Russian).
50. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
51. Wierzbicka A. Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2002, no. 2 (4), pp. 6–34 (in Russian).
52. Wierzbicka A., Goddard K. Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).
53. Peeters B. Yazyk i kul'turnyye tsennosti: etnolingvisticheskaya model' [Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, iss. 7, pp. 134–150 (in Russian).
54. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1991, 502 p.
55. Wierzbicka A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research. *Emotion Review*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 21–23.
56. Chureyeva O. A., Abu Zhad Anas Ali Kasem. Aktual'nyye rechevedencheskiye etiketnyye formuly privetstviya v russkoy i arabskoy kul'turakh [Actual speech-behavioral etiquette formulas of greeting in Russian and Arabic cultures]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Culture. Transfer], 2016, no. 1, pp. 263–280 (in Russian).
57. Goldin V. Ye. *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 112 p. (in Russian).
58. Danilov S. Yu. *Rechevoy zhanr prorabotki v totalitar'noy kul'ture* [Speech genre elaboration in a totalitarian culture]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2001. 15 p. (in Russian).
59. Coupland J., ed. *Small talk*. Harlow, Longman, 2000. 319 p.
60. Solnyshkina M. I. *Professional'nyy morskoy yazyk* [Professional marine language]. Moscow, Academia Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
61. Demytyev V. V. Struktura zaimstvovannykh kommunikativnykh kontseptov (na materiale anketirovaniya) [The structure of borrowed communicative concepts (on the material of the survey)]. In: O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin, eds. *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V. Ye. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: On the 80th anniversary of V. Ye. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 201–211 (in Russian).
62. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
63. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 97–105 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
64. Shilikhina K. M. Lexical Markers of the Online Communication Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 218–225 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>
65. Shchipitsina L. Yu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
66. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141.
67. Automatic Genre Identification. *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 2009, vol. 24, no. 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
68. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.
69. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (accessed 24 June 2019).
70. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. In: A. Georgopoulou, T. Spilloti, eds. *The Rutledge handbook of language and digital com-*

munication. London, Rutledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (accessed 06 June 2015).

71. Delyagin M. Chelovek-transformer (Transforming Man). *Izborsk Club*, 2019, January 24 (in Russian). Available at: <https://izborsk-club.ru/16424> (accessed 24 June 2019).

72. Dementyev V. V. On the reflection in the futuristic science fiction of the problems of modern speech communication and their possible study of communicative linguistics. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 3 (14), p. 33–47 (in Russian).

73. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences. In: J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington, eds. *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. London, New York University Press, 2007, pp. 271–281.

74. Drachen A., Smith J. H. Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games. *Computers in Entertainment*, 2008, vol. 6, no. 4, pp. 1–36.

75. Falcão Th., Ribeiro J. C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 130–140.

76. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. London, MIT Press, 2004. 672 p.

77. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 201–223.

78. Iaia P. L. *Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions*. Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.

79. MacKenzie I. Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation. *The European English Messenger*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 47–53.

80. Antonenko A. A. *Internet-zavisimost' podrostkov ot komp'yuternykh igr i onlayn-obshcheniya: kliniko-psikhologicheskiye osobennosti i profilaktika* [Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological features and prevention]. Thesis. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2014. 20 p. (in Russian).

81. Karasik V. I. Komp'yuternaya igra "StarCraft": lingvokul'turnyye kharakteristiki [Computer game "StarCraft": linguistic and cultural characteristics]. In: T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova, eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: Kollektivnaya monografiya* [Internet communication as a new speech formation: Collective monograph]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 237–254 (in Russian).

82. Rybaltovich D. G. *Psikhologicheskiye osobennosti pol'zovateley onlayn-igr s razlichnoy stepen'yu igrovoy addiktzii* [Psychological features of users of online games with varying degrees of game addiction]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2012. 20 p. (in Russian).

83. Oskol'skaya S. A. *Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotrebleniya i zhanrovoye raznoobrazie* [The corpus of written texts of the XIX century: the scope

of use and variety of genres]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, pp. 46–51 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>

84. Dementyev V. V., Stepanova N. B. Corpus genistics: a problem of key phrases. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 24–41 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>

85. Akoyev M. A., Markusova V. A., Moskaleva O. V., Pisyakov V. V. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Guide to scientometrics: indicators of the development of science and technology]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2014. 250 p. (in Russian).

86. Anokhin A. A. Databases and search engines for scientific citation – an assessment of the productivity of a researcher's work. *Higher School*, 2015, no. 2, pp. 48–53 (in Russian).

87. Berezkina N., Sikorskaya O., Khrenova G. Using the databases "Web of Science" and "Scopus" to evaluate the results of scientific activities at the National Academy of Sciences of Belarus. *Information Resources of Russia*, 2011, no. 4, pp. 19–21 (in Russian).

88. Bolotov V. A., Kvelidze-Kuznetsova N. N., Laptsev V. V., Morozova S. A. The Hirsch Index in the Russian Science Citation Index. *Educational Studies*, 2014, no. 1, pp. 241–262 (in Russian).

89. Sharabchiyev Yu. T. The Russian Science Citation Index eLibrary.ru as a tool for assessing the productivity and significance of scientists and research teams. *Medical News*, 2013, no. 2, pp. 24–28 (in Russian).

90. Frankel M. S., Cave J., eds. *Evaluating Science and Scientists. An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe*. Budapest, CEU Press, 1997. 226 p.

91. Frow J. The Public Humanities. *Modern Language Review*, 2005, vol. 100: Supplement: 100 Years of "MLR", pp. 269–280.

92. Head M. L., Holman L., Lanfear R., Kahn A. T., Jennions M. D. The Extent and Consequences of P-Hacking in Science. *PLoS Biology*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. e1002106. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1002106>.

93. Herold E. Researchers Behaving Badly: Known Frauds Are «the Tip of the Iceberg». *Leapsmag*, 2018, Oct. 19. Available at: <https://leapsmag.com/researchers-behaving-badly-why-scientific-misconduct-may-be-on-the-rise/> (accessed 24 June 2019).

94. Hicks D., Wouters P., Waltman L., de Rijcke S., Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics. *Nature*, 2015, April, no. 520, pp. 429–431.

95. Meester W. *Access to Excellent Research: Scopus in Lithuania*. 2015. Available at: http://serials.lt/wp-content/uploads/2015/03/Meester_Access_to_Excellent_Research_Scopus_in_Lithuania_Vilnius_20150318.pdf (accessed 24 June 2019).

96. Müller J. Z. *The Tyranny of Metrics*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2018. 240 p.

97. Müller R. Racing for What? Anticipation and Acceleration in the Work and Career Practices of Academic Life Science Postdocs. *Forum: Qualitative Social Science Research*, 2014, vol. 15, no. 3. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/2245/> (accessed 24 June 2019).

98. Prikladnaya naukometriya [Applied Scientometry]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2019, no. 40, pp. 11–84 (in Russian).

99. Sirotinina O. B. Factors affecting the effectiveness of communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1, pp. 39–47 (in Russian).

100. Sternin I. A. Kak uvazhat' sebya zastavit'? Uchenyy-filolog razmyshlyayet o nbolevshe (How to

respect yourself to force? A scholar-philologist reflects on painful). *Poisk* (Search), 2017, no. 8. Available at: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/> (accessed 24 June 2019) (in Russian).

101. Alpatov V. M. Reformatskiy and Bakhtin on Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 21–24 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

For citation

Dementyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

Поступила в редакцию: 29.01.2020 / Принята: 28.03.2020 /
Опубликована: 31.08.2020

Received: 29 January 2020 / Accepted: 28 March 2020 /
Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)